

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В ФАНТАСТИКЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

Статья посвящена рассмотрению ключевых философских идей, легших в основу великих фантастических романов Г. Уэллса. Уэллс явился основоположником социально-антропологической фантастики, ибо он предвидел многие сюжетные ходы грядущей истории человечества и глобальные проблемы современной эпохи, создав роман нового типа, в котором философские раздумья о сущности человека и его будущем тесно переплетены с остросюжетным действием.

Ключевые слова: социально-антропологическая фантастика, общественное неравенство, антиутопия, циклическая и линейная концепции времени, гипотетические и категорический императивы, ответственность ученого, эволюция.

Герберта Джорджа Уэллса (1866–1946) читают и охотно экранизируют по сей день. В 2002 году была снята новая экранизация «Машины времени», а в июне 2005 года знаменитый Стивен Спилберг выпустил на экраны мира свое новое детище – экранизацию «Войны миров» великого английского фантаста. И пусть действие перенесено в наши дни и захватывающие события разворачиваются отнюдь не в доброй старой Англии, а в набившей оскомину Америке начала XXI века, – все равно Спилберг, как человек умный, сохранил основную сюжетную канву и те философские идеи, которые развивал в своем романе Уэллс. Более того, одновременно с фильмом Спилберга некий Дэвид Майкл Лэтт снял фильм, вышедший в 2005 году одновременно с фильмом Спилберга. Этот кинематографический опус был разрекламирован как наиболее адекватная экранизация великого романа. Хотя действие максимально приближено к роману, но вновь происходит в Америке наших дней, а спецэффекты выглядят довольно дешево. Сначала фильм вышел под названием «Война миров Г. Д. Уэллса», но потом создателей вынудили назвать его «Invasion». Все это свидетельствует о неувядающей популярности Уэллса даже на Западе, где книги практически перестали читать, а тупые толерантные ничтожества довольствуются политкорректными комиксами.

Книги этого талантливого человека вошли в третье тысячелетие, привлекая интерес и притягивая наших современников, удивить которых чем-то становится все труднее. Мы поразмышляем в этой статье над некоторыми философскими проблемами, которые Уэллс поставил в своих научно-фантастических романах. Как и многие другие великие мастера художественного слова, Уэллс редко философствовал профессионально, если под «профессионализмом» в философии понимать абстрактное ос-

мысление действительности, выраженное в категориях. Но если рассматривать философию как особую форму человеческой культуры, синтезирующую в себе художественный и научный подходы в поисках ответов на великие и вечные загадки бытия, то тогда фигура любого крупного писателя и поэта будет небезынтересна для историка философии. Тем более в этом плане интересен и современен Герберт Уэллс – писатель, ученый, общественный деятель.

Хорхе Луис Борхес писал в статье «Ранний Уэллс»: «Подобно Кеведо, Вольтеру, Гете и еще немногим, Уэллс не столько литератор, сколько целая литература» [2, 228]. Творческое наследие этого человека поразительно по своей широте и разнообразию проблем, которые он затронул. Он успел чрезвычайно много, ибо работал всю свою долгую жизнь не покладая рук. Уэллс полностью разделял слова гениального Иммануила Канта о том, что лучший способ наслаждаться жизнью – это работа. Интерес к научным проблемам, в первую голову к вопросам естествознания, был у него вполне профессиональным, ибо по образованию Герберт Уэллс был биологом. Как отрасль человеческого знания биология в конце XIX – начале XX в. переживала необычайный подъем.

Наукой в то время вообще интересовались широко и искренне. Наука поистине была Богом. Даже досужие дамочки – «эмансипе» любили порассуждать о вивисекции, теории относительности, месмеризме, опытах Шарко, извращениях расхристанного Фрейда и прочих интересных вещах. И пусть в обсуждаемых проблемах мало кто из них смыслил, но сам факт неподдельного интереса глубоко символичен. Наука не в моде у женщин конца XX – начала XXI века: наших современниц больше занимают глупые телепередачи, модные тряпки, безудержный разврат, фитнес и косметика. Наши

прабабушки были более начитанными и образованными, чем наши сверстницы: вряд ли современные домохозяйки будут обсуждать, скажем, физику твердого тела или философские аспекты клонирования.

Уэллс стал известен благодаря своему роману «Машина времени», положившему начало целому направлению научной фантастики. Хотя ради исторической справедливости стоит отметить, что первым писателем-фантастом, изобразившим путешествие во времени, был наш соотечественник Александр Фомич Вельгман еще в 1840 году в романе «Александр Филиппович Македонский» – более чем за полвека до шедевра Уэллса. Автор изобрел гиппогриф, на котором герой отправляется в эпоху Античности, в Древнюю Грецию. Но наши литературные критики, как и большинство так называемой «творческой интеллигенции» в целом, настолько привыкли пресмыкаться перед Западом, что предпочитают вообще не упоминать об успехах и достижениях отечественной литературы, а уже тем более философии. Все это привычно и вполне в порядке вещей для обитателей России, превращенной ныне в «сырьевой придаток» для разжиревших западных демократий, и мучительно больно для граждан уничтоженного и преданного великого Советского Союза.

Путешествие во времени – не только превосходный литературный прием, обеспечивающий неослабевающий читательский интерес к произведению, в котором этот прием используется. Сама проблема перемещения во времени и описание связанных с ним приключений позволяют писателю поговорить об интересующих его и читателя проблемах. Роман «Машина времени» читается настолько легко, что кажется, как будто ты сам путешествуешь во времени, и совсем не замечаешь, как пролетает час, за который можно одолеть сотню страниц, составляющих эту небольшую книгу. Но насколько легко читается роман, настолько тяжело давался он самому Уэллсу.

Писатель начал размышлять о новых возможностях восприятия мира в 1886–1887 гг. Уэллса заинтересовала книга Чарльза Хинтона «Что такое четвертое измерение» (1884). Именно эта книга натолкнула Оскара Уайльда на шуточную мысль отправить своего призрака в «Кентервильском привидении» в четвертое измерение. Уэллса же этот труд побудил к более длительному и серьезному размышлению.

Четвертым измерением могут быть время, жизнь, божество, скорость. Уэллс пришел к выводу, что четвертым измерением справедливо может быть названо время. Неоднократно отмечалось, что Уэллс в известном смысле предвосхитил Эйнштейна, первые работы которого по теории относительности появились лишь в 1905 году. Поэтому общемировоззренческая и научная заслуга Уэллса не подлежит сомнению.

На протяжении ушедшего XX века Уэллса часто поругивали за чрезмерный пессимизм романа, за неверие в светлое будущее человечества. Уэллс, по сути дела, создал первую антиутопию в мировой литературе, которая вместо «золотого века» погружает читателя в грядущий ад на земле. Путешественник во времени подтвердил своим путешествием лишь то, во что верил и до изобретения своей машины. «Он всегда безотрадно относился к Прогрессу человечества. Растущая цивилизация представлялась ему в виде беспорядочно сооружаемого здания, которое в конце концов должно обрушиться и задавить собою строителей» [3; 1, 139].

Путешественник попадает в 802701 год нашей эры и вначале принимает это время за золотой век. Но очень скоро он понимает, что все обстоит не так просто. Некая таинственная и, вероятно, недружелюбная сила крадет его машину. Он оказывается пленником далекого будущего и начинает изучать его. С ужасом Путешественник узнает страшную правду о жизни наших далеких потомков, разделившихся на два вида людей: красивых и беспечных, но слабых телом и разумом элов и уродливых, живущих в подземном мраке морлоков. Морлоки обеспечивают элов всем необходимым для жизни, но эта забота схожа с заботой фермера по отношению к домашней скотине, которая рано или поздно все равно идет под нож. Путешественник описывает типичный пейзаж будущего: «...Над всем этим чудесным ландшафтом, подобно черным пятнам, подымались купола, прикрывающие спуски в подземный мир. Я понял теперь, что прикрывала собою красота жителей Верхнего Мира. Как весел был их день! Так весел, как день скота, пасущегося в поле. Подобно скоту, они не знали врагов и не заботились ни о каких нуждах. И так же был их конец» [3; 1, 124].

Итак, человечества больше нет. Социальное неравенство обернулось биологической разобщенностью. Многосторонний и многофункциональный человек разумный исчез с лица земли. Именно в далеком будущем Путешественник

преисполняется гордостью за свою эпоху и живущих в ней людей. Он не испытывает страха перед жуткими морлоками: «...Я был иначе создан. Я был сыном своего века, полного расцвета человеческой расы, когда страх перестал парализовать человека и таинственность потеряла свои чары» [3; 1, 104]. Человеку нельзя позволять заснуть, он должен бороться с жизненными трудностями. Человек, выключенный из такой борьбы, лишь томится, он «расчеловечивается», а с помощью борьбы «держит форму».

Уэллс предвидел возникновение опасных тенденций современности уже столетие назад. Фактически одновременно своим «Закатом Европы» забил в набат Освальд Шпенглер. Толерантная, потерявшая свою пассионарность, немускульная Европа окончательно погибнет, если и дальше будет позволять африканцам и арабам устраивать на улицах своих древних городов дикие пляски. Европейцы должны бороться за жизнь, иначе они будут уничтожены нахрапистыми азиатами и африканцами – этими морлоками современности, полными пассионарной злобы и лишенными европейской духовности. Излишняя толерантность и пресловутая политкорректность неизбежно приведут к гибели европейской культуры.

Уэллс вкладывает в уста Путешественника такие размышления: «Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность жизни; они достигали цели, к которой стремились, и только для того, чтобы прийти к такому концу... Когда-то Человечество достигло такого положения, когда жизнь и собственность оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт обеспечены, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни проблемы безработицы, ни нерешенных социальных вопросов. А за всем этим последовал великий покой».

Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является возмещением за опасности, заботы и изменчивость жизни. Животное, живущее в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и нет необходимости в переменах, разум бездействует {...} Таким путем человек Верхнего Мира пришел к своей

беспомощной красоте, а человек Подземного мира – к своему чисто механическому труду {...} Продукты питания Подземного мира истощились. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала снизу свою работу. Жители Подземного Мира, постоянно приходя в соприкосновение со сложными машинами, что все-таки, помимо привычки, требовало некоторой работы мысли, невольно удержали в своей озверелой душе больше человеческой инициативы, чем жители земной поверхности. И когда их обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали их старые привычки» [3;1, 125].

В «Машине времени» Уэллс не только совершил прорыв в будущее науки, но и в восприятии времени художественным сознанием. Он совместил циклическую и линейную концепции времени; прошлое, настоящее и будущее в этом романе оказываются в определенном смысле одномоментными. Это хорошо уловили Гор Вербински и Саймон Уэллс (правнук писателя) в своей экранизации романа 2002 года. И недаром талантливый Джозеф Конрад, считавший себя учеником Уэллса, назвал своего великого современника «историком будущих веков». Юлий Кагарлицкий добавляет: «Уэллса можно было назвать историком будущих тысячелетий. В «Острове доктора Моро» он вновь выступает как историк тысячелетий, но не будущих, а минувших. Правда, спресованных до предела. Вся история цивилизации проходит за полтора месяца на глазах Эдварда Прендика. Этот молодой человек, прослушавший курс профессора Хаксли (не иначе – однокашник Уэллса), потерпел кораблекрушение, был подобран в море шхуной «Ипекуана» и таким образом нечаянно оказался свидетелем необычайных событий» [2, 186].

«Остров доктора Моро» – один из самых жутких романов мировой литературы – был издан в 1896 году. Говард Филипс Лавкрафт вспоминал, что когда он в возрасте семи лет впервые прочитал этот роман, его восторгу не было пределов – как, впрочем, и ужасу, обуявшему незаурядное, но все же детское воображение. Мать Лавкрафта обошлась с романом жестко – она швырнула экземпляр книги в огонь. Этот роман был популярен не только в англоязычных странах. Профессор М.М. Завадовский (1891–1957) вспоминает, как в 1919 году «птицеводка-прачка» из Симферополя «экзальтированно»

воскликнула по поводу проводимых им экспериментов над птицами: «Вот это профессор! Настоящий доктор Моро из романа Уэллса». И будущий академик ВАСХНИЛ сконфуженно добавляет: «Так я впервые узнал о существовании фантастического романа «Остров доктора Моро» [2, 189].

Зарождению замысла романа Уэллс вновь обязан своей профессии – тема вивисекции была одной из самых обсуждаемых в среде профессиональных естествоиспытателей тех лет. Законам природы бросался смелый вызов – их пытались не только изменить, но порой и переписать заново. Более того, ученый смело и безрассудно брал на себя функции Творца, пытаясь улучшить созданное Богом, а быть может, и превзойти Его.

Главный герой романа – талантливый врач и биолог, вынужденный покинуть человеческое общество вследствие травли, которую объявили на него. Уэллс пишет о Моро: «Он опубликовал несколько поразительных фактов относительно переливания крови и, сверх того, был известен своими выдающимися трудами о ненормальных отклонениях в общем развитии организма. Но вдруг эта блестящая карьера была прервана. Он должен был покинуть Англию. Какой-то журналист получил доступ в его лабораторию под видом лаборанта, но с предумышленным намерением предать все виденное им сенсационной огласке» [3; 1,173].

Люди редко понимают гениев, лишь после их смерти постепенно приходя к осознанию величия ушедших светочей, а уж современники гения делают все мыслимое и немислимое для того, чтобы свести его в могилу как можно раньше. Это все человеческое, слишком человеческое, как говаривал Ницше, который сам испытал на себе людское небрежение и непонимание. Хотя Моро, несомненно, дал людям много поводов для предвзятого к себе отношения. В разговоре с Прендиком Моро обмолвился: «Изучение природы делает человека в конце концов таким же безжалостным, как сама природа». И эта фраза является ключевой для понимания характера талантливого естествоиспытателя.

Захватывающий приключенческий сюжет романа порой заслоняет собой сложные философские вопросы, которые поставил Уэллс на его страницах. Прежде всего это жгучие вопросы о природе человека, о той мере добра или той степени зла, которая живет в душе каждого из

нас. И где та грань, которая отделяет человека от животного? Как вообще человеческие индивиды становятся людьми?

Великий Иммануил Кант четко определил, что человека от всех других живых существ отличает его познавательная способность. Кантовская антропология рассматривает человека в противоположность животному как детерминированного не инстинктом, а разумом. Поэтому именно правильное воспитание должно препятствовать возможному сползанию индивида к дикости. Воспитание, по Канту, должно просвещать, то есть не только «дрессировать», но и учить детей мыслить. Воспитание реализуется в «обуздании дикости» (приучении к дисциплине), научении полезным навыкам и интеграции в культуру. И Моро пытается сделать из своих созданий людей путем внедрения в их головы гипотетических, говоря словами Канта, императивов:

« – Не ходить на четвереньках – это Закон. Разве мы не люди?

– Не лакать воду языком – это Закон. Разве мы не люди?

– Не есть ни мяса, ни рыбы – это Закон. Разве мы не люди?

– Не охотиться за другими людьми – это Закон. Разве мы не люди?» [3; 1, 200].

Гипотетические императивы, по Канту, действительны, лишь если предполагается субъективно выбранная цель, тем самым они выражают лишь обусловленное должествование. У созданий Моро сам «поистине изумительный Закон» выступает в качестве своеобразного категорического императива – формального и абсолютного. Зверолоды знают: «Ужасные наказания ждут тех, которые нарушают Закон. Им нет спасения» [3; 1, 202]. Их создатель присвоил себе функции Создателя Небесного, могущего карать и миловать по собственной воле.

Моро признается изумленному герою романа: «Духовное строение существа изучено наукой еще менее физического. В развивающейся в наши дни науке гипнотизма мы находим возможность заменять старые наследственные инстинкты новыми внушениями, как бы делая прививки или перемещения на почве наследственности. Многие из того, что мы называем нравственным воспитанием, есть только подобное искусственное изменение и извращение инстинкта; воинственность перевоспитывается в мужественное самопожертвование, а подавленное половое влечение в религиозный экстаз» [3; 1, 215]. Разуме-

ется, Уэллс с интересом следил за деятельностью Фрейда, пытавшегося открыть бессознательные мотивы душевной жизни, но эти вложенные им в уста доктора Моро слова заставляют нас, читателей начала третьего тысячелетия, задуматься о многом. Уэллс своим романом во многом опередил Фрейда, который попытался элиминировать феноменологические подходы из анализа бессознательного, разрабатывая свой метод психоанализа с 1896 по 1902 г.

«Новые внушения» эпохи глобализации внушают тревогу каждому мыслящему человеку. Человечество, по сути, пытаются превратить в зверолодей. Только если Моро делал из зверей жалкие подобия людей, то в современную эпоху налажено массовое производство звериной биомассы из сырья человеческих индивидов, которых уже не волнуют вопросы веры, духовности, смысла жизни. Оболваненное человечество, уткнувшись в экраны зомбирующих и гипнотизирующих телевизоров, не видящее и не слышащее ничего из-за своих плееров и мобильных телефонов, мало чем отличается от зверолодей Моро, слабо соображающих без поводырей и чтецов Закона.

Скальпель великого хирурга превратил бывших животных в зверолодей точно так же, как техническое развитие и прогресс придали в ушедшем XX столетии внешний покров цивилизованности азиатским и африканским народам, который слетает моментально при первом природном или социальном катаклизме. На заре XXI столетия мы убеждаемся в этом еже-дневными выпусками новостей, глядя на беснующиеся толпы на экранах телевизоров. Негра из дебрей Центральной Африки можно научить работать на компьютере, пользоваться сотовым телефоном, даже отправить в космический полет. Но в душе он останется тем, кем были бесчисленные поколения его предков, – жестоким и кровавым каннибалом. Точно так же и в романе Уэллса: стоит лишь зверолодям вспомнить вкус крови, как они начинают возвращаться в свое исходное состояние.

Критики указывают, что философская основа романа во многом базируется на учении Томаса Хаксли о «космическом» и «этическом» процессах, протекающих в мире и противостоящих друг другу. Космический процесс протекает без вмешательства человека и совершенно лишен морального содержания. Космический процесс, согласно второму началу термодинамики, приведет к энтропии, к гибели всего жи-

вого. Этический процесс, по Хаксли, порожден страстью человечества к выживанию и требует коллективной борьбы для спасения мира. Люди сами создадут «зоны порядка», противостоящие энтропии. Уродливая пародия на человеческое общество обречена на гибель, ибо лишившись своего творца, зверолоды на острове начинают постепенно утрачивать свой гротескный облик и безвозвратно превращаться в зверей. Своим возникновением зверолоды обязаны не этическому, а космическому процессу, ибо Моро олицетворяет не только жестокость этого процесса, но и его бессмысленность. Как пишет Ю. Кагарлицкий, «исходным материалом» для Моро служат звери, но «конечным продуктом» его лаборатории отнюдь не оказываются люди в полном значении этого слова. Приданные им вчерне человеческие черты не избавляют их от глубоко укоренившихся животных инстинктов. И эти инстинкты побеждают. Нужен лишь небольшой внешний толчок. Случайно отведав крови, {...} они возвращаются к своей животной природе. Уродливое подобие человеческого общества, созданное для этих уродливых человеческих подобию, немедленно рухнет» [2; 192].

И все же Уэллс – естествоиспытатель и философ – заканчивает свой жуткий роман оптимистически: «Мне кажется, что все должно найти свое утешение и надежду в этих вечных всеобъемлющих законах мироздания, а никак не в обыденных житейских горестях и прегрешениях» [3; 1, 282].

«Человек-невидимка» издан в 1897 году на гребне успеха молодого писателя. С легкой руки Уэллса в англоязычную литературу вошел образ «чокнутого профессора» – ученого, одержимого параноидальной идеей господства над миром. Несколько ранее Жюль Верн в романе «Пятьсот миллионов Бегумы» (1879) вывел образ немца Шульце – гениального безумца, пытающегося уничтожить Францию с помощью огромной пушки. Но Гриффин – «даровитый физик, равного которому не видел свет» – персонаж не только необычайный, но и неоднозначный. У читателя складывается впечатление, что осуществленный над самим собой эксперимент окончательно лишил Гриффина человеческих качеств, превратив его в пародию на ницшеанского сверхчеловека – «белокурую бестию» (сам Гриффин альбинос от рождения). Гений с неуживчивым характером очень быстро превратился в маниакального убийцу, одержимого жаждой власти.

Гриффин – законченный эгоист. Недаром он вполне по-нищшеански говорит: «Элементарная гуманность годится для обыкновенных людей» [3; 2, 119]. Для завершения своих исследований он крадет деньги у отца, но деньги были чужие, и его отец стреляется. Смерть отца оставляет его совершенно равнодушным, и на похороны он является нехотя – лишь из-за необходимости следовать приличиям. Впрочем, обо всех своих нелицеприятных чертах он совершенно открыто рассказывает доктору Кемпу, своему университетскому товарищу, к которому он, раненый и преследуемый разъяренной толпой, вынужден ворваться в дом.

Уэллс начинает свою книгу не без юмора, рассказывая об обывателях городка Айпинг, сляпавших своими куриными мозгами разгадать тайну причудливо одетого, заматанного бинтами незнакомца. Перед читателем разворачивается «человеческая комедия» провинциальных нравов, где есть над чем и над кем посмеяться. Постепенно рассказ утрачивает иронию, и повествование становится все более и более трагическим. Увы, людям свойственно не только бояться того, что им непонятно. Они еще и стремятся уничтожить это непонятное. Это Гриффин вынужден в буквальном смысле испытать на собственной шкуре. Невидимый гений «обратился в совершенно реального противника, которого надо было ранить, взять в плен или убить, – и все население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. {...} Кратко, но ясно были указаны меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть все время настороже, чтобы принять решительные меры, если чем-нибудь обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, всеобщая вера в страшное существо была так сильна, что до наступления ночи весь округ на протяжении нескольких сот квадратных миль был приведен в осадное положение» [3; 2, 131].

В романе о гениальном Гриффине Уэллс поставил проблему, которая на протяжении всего ушедшего XX столетия будет волновать умы философов. Волнует эта проблема и наших современников. Речь идет об ответственности ученого за собственные изобретения, об этической компоненте науки. Во времена Уэллса об этом мало кто задумывался: считалось, что наука вне этики. Ведь в самом начале работы Гриффин не задумывается о возможных последствиях своего изобретения: «Я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать себе великолепную картину

того, что может дать человеку невидимость. Таинственность, могущество, свободу. Отрицательных сторон я не видел» [3; 2, 92]. Лишь поставив на самом себе дьявольский опыт, превративший его в Невидимку, Гриффин осознает все неудобства своего нового положения на улицах зимнего Лондона: «У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всем мире, которому я мог бы довериться» [3; 2, 108].

Уэллс знал о русских нигилистах, итальянских революционерах-карбонариях, свободолюбивых мафиози и прочих колоритных личностях, проповедовавших террор. Поэтому ему было у кого заимствовать многие рассуждения своего Невидимки. Гриффин развивает свои планы перед изумленным Кемпом: «...Невидимка должен установить царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город вроде, например, Бардока, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов; хотя бы подсовывать под дверь листки бумаги. И кто дерзнет послушаться, будет убит, так же, как будут убиты и его заступники» [3; 2, 125]. Все это звучит актуально до сих пор, хотя Гриффин весьма гротескно начал свое царство террора с убийства миролюбивого, но чрезмерно любопытного мистера Уикстида, а первой вехой в покорении человечества стал у него разгон деревенского праздника.

Страх так и не исчез из мира – напротив, со времен Уэллса его стало намного больше. Мы боимся маньяка, прячущегося в темном переулке или держащего палец на ядерной кнопке. Мы боимся рака и инсульта, столкновения с кометой и потери работы, неурожая и засухи. Мы боимся того, что дети не оправдают наших ожиданий: сын станет наркоманом, а дочь принесет в подоле приращение семейства неизвестно от кого. Во времена Уэллса всего этого тоже боялись, но в нашу эпоху глобального информационного терроризма и распатанности бытия страхи становятся поистине невыносимыми – особенно в нашей несчастной стране.

И роман о нашествии марсиан – тоже о страхе, причем страхе, пришедшем из бездн космического небытия. Книга «Война миров» о нашествии марсиан на Землю оказалась настолько актуальной, что была экранизирована три раза. Широко известна история о том, как молодой тогда режиссер Орсон Уэллс (Orson

Welles) в 1939 году сделал радиопостановку романа, оказавшуюся настолько реалистичной, что американцы, в подавляющем большинстве своем книг не читающие, запаниковали и стали в спешном порядке покидать свои дома, на полном серьезе поверив в нашествие инопланетян. Недоразумение выяснилось. Герберт Уэллс поспешил заявить, что не имеет никакого отношения к проделкам заокеанских коллег, а молодому шутнику пришлось извиняться перед радиослушателями. Думаю, что делал он это не без улыбки на устах, втайне издеваясь над своими туповатыми согражданами.

Сам Герберт Уэллс высоко ценил свой роман о марсианах, ибо Льву Толстому из всего написанного им он отправил именно эту книгу, когда гений русской литературы захотел познакомиться с его творчеством в 1906 году. Философские выкладки Уэллса в этом романе обязаны своим происхождением тому, что Уэллс был биологом, но и весьма активно интересовался современной физикой. В романе интересны выводы Уэллса не только о грядущей эволюции «человека разумного», который рано или поздно превратится в огромную голову с развитыми щупальцами – высокоорганизованный мозг, начисто лишенный всех привычных для нас эмоций. Марсиане, прибывшие на землю, уже эволюционировали в этом направлении. Поэтому им неизвестны человеческие радости и горести. Схожие картины Уэллс нарисует в романе «Первые люди на Луне».

Трактовок романа «Война миров» не так много, потому что роман этот мыслился Уэллсом для реализации вполне понятной цели: напомнить человечеству на заре нового века о хрупкости его бытия, о призрачности людской веры в незыблемость первенства среди живых существ на Земле, а тем более во всей Вселенной. Не случайно отнюдь не цивилизованный человек побеждает всемогущих марсиан. Губителями пришельцев оказываются бактерии, ибо сама земная Природа восстала против незваных гостей. Оснащенные тепловым лучом, прекрасными машинами и отравляющими газами, марсиане оказались бессильны перед Природой. Сюжет выстроен блестяще, и роман не отпускает как читателя-неофита, так и человека, вновь и вновь обращающегося к этому шедевру. Безымянный писатель-философ рассказывает историю нашествия марсиан, и уже сто с лишним лет благодарные читатели листают страницу за страницей, наслаждаясь прекрасным романом.

Но Уэллс не зря сделал рассказчика интеллектуалом (от чего, к сожалению, отказался Спилберг в своем фильме, превратив главного героя в разбитного автомеханика). Рассказчик у Уэллса дает весьма интересные и незаурядные философские комментарии к описываемым событиям и приключениям, которых он хлебнул изрядно. Чего только стоят две недели, проведенные в полуразрушенном доме в обществе сходящего с ума священника, неотступно твердящего, что нашествие марсиан – это плата за людские грехи! А раздумья о будущем человечества, оказавшегося под пятой пришельцев, поднимаются до высот подлинно философской прозы.

Интересно, что перед нашествием рассказчик начал писать статью, в которой философствовал о прогрессе морали, который идет рука об руку с прогрессом цивилизации. Страшные события совершенно переменяли его прежние воззрения. Мало того, что он стал свидетелем того, как быстро спадает с людей легковесный покров цивилизованности и как легко викторианские джентльмены превращаются в грубых скотов, – ему самому пришлось стать убийцей. Уэллс вкладывает в уста артиллериста свои раздумья о возможном будущем «расчеловеченного» человечества: «Все люди, жившие в этих домах, все эти жалкие канцелярские крысы, ни на что не годны. У них нет мужества, нет гордости, они не умеют сильно желать. А без этого человек гроша ломаного не стоит. {...} Для таких людей марсиане будут сущими благодетелями. Чистые, просторные клетки, питательный корм, порядок и уход, полное спокойствие. Побегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и станут проситься. Даже рады будут. Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан. {...} Быть может, марсиане воспитают из некоторых людей своих любимчиков, обучат их разным фокусам... Некоторых они, быть может, обучат охотиться за нами...» [3; 2, 289–290]. Эти мысли Уэллса о возможной судьбе порабощенного человечества будут очень плодотворно развиты в фантастике XX века – вспомним хотя бы прекрасную и жуткую вещь Кира Булычева «Любимец».

Бывают и совершенно неожиданные трактовки прекрасного романа. Некий Зеев Барселла в статье «Марсианские хроники» обвиняет Уэллса в махровом антисемитизме, ибо он, дескать, в образе спрутов-марсиан вывел стремящихся к мировому господству евреев. Впро-

чем, на воре шапка горит, вот Бар-Селла и пишет негодующе: «Безжалостный спрут, навалившийся на земной шар и глазами-тарелками гипнотизирующий оцепеневшее человечество. Это общее место антисемитских карикатур всей последней четверти XIX века» [1, 226]. И далее следует бред в подобном духе. Оказывается, «и микробы взяты из того безотказного антисемитского инвентаря – только там болезнетворная роль отводилась самим евреям». Статья просто проникнута ненавистью к англичанам, русским, немцам и завершается весьма странным выводом: «Был ли Уэллс антисемитом? Да, был. И природа, которой он поклонялся, была той, в какую верил Гитлер. А евреи – неприродны. И, следовательно, подлежат дезинфекции» [1, 228]. Право слово, обидно за Уэллса. Мне кажется, автору сей статьи давно пора воспользоваться услугами хваленной израильской медицины и подлечиться в родной иерусалимской психушке.

Уэллс был интеллектуалом высочайшей пробы, и он всю свою жизнь с инстинктивной неприязнью относился к всевозможным крайностям, одержимости, проявлениям личного пристрастия. Карел Чапек к 70-летию Уэллса написал: «Он представляет собой исключительное явление среди современных писателей и мыслителей в силу своей необыкновенной универсаль-

ности; как писатель он соединяет склонность к утопическим фикциям и фантастике с документальным реализмом и огромной книжной эрудицией; как мыслитель и толкователь мира он с поразительной глубиной и самобытностью охватывает всемирную историю, естественные науки, экономику и политику. Ни наука, ни философия не отваживаются сейчас на создание такого аристотелевского синтеза, какой оказался по плечу писателю Уэллсу...» [2; 416].

Уэллс предвидел многие сюжетные ходы грядущей истории человечества и глобальные проблемы современной эпохи, создав роман нового типа, в котором философские раздумья о сущности человека и его будущем тесно переплетены с остросюжетным действием. Уэллса с полным правом можно назвать основоположником социально-антропологической фантастики.

Уэллс был великим англичанином, учившим своих соотечественников и всех людей ничего не принимать на веру и все время задавать жизни вопросы. Мартин Хайдеггер как-то определил философию как «вопрошание сущего». И если понимать любознательность именно так, то тогда Уэллс – один из великих мыслителей ушедшего XX столетия.

9.03.2011

Список литературы:

1. Каганская М., Бар-Селла З., Гомель И. Вчерашнее завтра. Книга о русской и нерусской фантастике. М., 2004.
2. Кагарлицкий Ю.И. Вглядываясь в грядущее. Книга о Герберте Уэллсе. М., 2001.
3. Уэллс Г. Избранные научно-фантастические произведения в трех томах. М., 1956.

Сведения об авторе: **Горохов Павел Александрович**, заведующий кафедрой социальной философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, к. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 1**Gorokhov P.A.**

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

PHILOSOPHICAL IDEAS IN FICTION BY HERBERT WELLS

The article considers the key philosophical ideas, which served as the basis of the great science fiction novels of H. Wells. Wells was the founder of social-anthropological fiction, as he foresaw many narrative passages of human history and future global challenges of the modern era, creating a new type of novel in which the philosophical reflections on human nature and its future are intertwined with action-action.

Key words: social and anthropological science fiction, social inequality, dystopia, cyclic and linear concepts of time, hypothetical and categorical imperatives, the responsibility of the scientist, evolution.

Bibliography:

1. Kaganskaya M., Bar-Sella Z., Gomel I. Yesterday tomorrow. A book about Russian and non-Russian fiction. M., 2004.
2. Kagarlitskiy Y.I. Peering into the future. The book of HG Wells. M., 2001.
3. Wells G. Selected works of science fiction in three volumes. M., 1956.